

А.И. БОРОЗНЯК

“НЕКРОЛОГ, КОТОРЫЙ ЗАСЛУЖИЛИ ЭТИ ГОСПОДА”. НАЦИСТСКОЕ ПРОШЛОЕ ГЕРМАНСКИХ ДИПЛОМАТОВ

В последние месяцы 2010 г. не было в ФРГ ни одного печатного или электронного издания, которое обошло бы вниманием проблему, казалось бы, бесконечно далекую от повседневных забот страны: историю германского внешнеполитического ведомства в нацистский и постнацистский период. Сведения об участии руководителей и сотрудников германского министерства иностранных дел (МИД) в преступлениях гитлеровского режима стали общенациональной сенсацией, о чем свидетельствовали заголовки газет: “Коричневые дипломаты”; “Преступники во внешнеполитическом ведомстве”; “Наконец-то, заговорили документы”; “Как МИД обходится с нацистским прошлым?”; “Отчет историков обвиняет МИД”; “Услужливые дипломаты Гитлера”; “Дипломаты Холокоста”¹.

Поводом для сенсационных заголовков послужил выход в свет почти 900-страничного тома “Министерство и прошлое”², подготовленного международной независимой комиссией историков по распоряжению Й. Фишера, министра иностранных дел ФРГ в 1998–2005 гг.

Книга, говоря словами Ф.М. Достоевского, была следствием “вихря сошедшихся обстоятельств”³. В 2003 г. в ведомственном информационном бюллетене МИД появился дежурный некролог с глубокими соболезнованиями близким, с перечнем государственных заслуг скончавшегося дипломата Ф. Нюсляйна.

Но речь шла о почестях, отданных человеку, который во время войны был прокурором оккупированной гитлеровцами Чехословакии – “протектората Богемия и Моравия” и был причастен к многочисленным злодеяниям нацистов. В 1945 г. Нюсляйн сдался американцам, затем был выдан Чехословакии, где был приговорен к 20 годам тюрьмы. Через 10 лет он вернулся в Западную Германию как “неамнистированный военный преступник”. Это не помешало ему, используя старые связи, устроиться на работу в МИД и отправиться на дипломатическую службу во франкистскую Испанию⁴. Пенсионерка М. Хензелер, одна из бывших подчиненных Нюсляйна, прочтя некролог, направила министру иностранных дел Фишеру гневное письмо, в котором перечислила реальные “заслуги” покойного. Письмо до адресата не дошло, застряв в одной из канцелярий МИД. Хензелер не успокоилась и направила новое письмо, на сей раз на имя канцлера ФРГ Г. Шрёдера, который передал его Фишеру. Тот приказал поднять архивы: все, о чем писала Хензелер, оказалось правдой.

Борозняк Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета.

¹ Süddeutsche Zeitung, 15.VIII.2010; Frankfurter Allgemeine Zeitung, 24.X.2010; Süddeutsche Zeitung, 24.X.2010; Rheinische Post, 25.X.2010; Die Welt, 26.X.2010; Die Zeit, 28.X.2010.

² Das Amt und die Vergangenheit. Deutsche Diplomaten im Dritten Reich und in der Bundesrepublik. München, 2010.

³ Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 12 томах. Т. 8. М., 1982, с. 6.

⁴ О Нюсляйне см.: Meckel A. “Der Gerechtigkeit freien Lauf zu lassen”. Die Justizmorde an Oskar Löwenstein und Marianne Golz durch das Sondergericht Prag 1943. Konstanz, 2009.

“ВОССТАНИЕ МУМИЙ”

Фишер распорядился не публиковать впредь извещений о кончине сотрудников МИД, бывших во времена “третьего рейха” членами гитлеровской партии. В конце 2004 г. скончался дипломат Ф. Крапф – бывший член нацистской партии, унтерштурм-фюрер СС. После войны он удачно прошел денацификацию, был принят в западногерманский МИД, дошел до высоких должностей генерального консула в Париже и начальника восточного отдела МИД ФРГ, завершив карьеру на посту представителя ФРГ при НАТО⁵. Согласно директиве Фишера, сообщать о смерти Крапфа в министерском бюллетене не стали. Но произошло то, что было названо “восстанием мумий”. Больше сотни соратников и единомышленников Крапфа поставили свои подписи под некрологом (в формате платного объявления объемом в четверть страницы мелкого шрифта), опубликованном респектабельной газетой “Франкфуртер Альгемайне”⁶. Попутно бывшие соратники Крапфа обвинили Фишера в высокомерии, некомпетентности и бесчестии. Одновременно несколько действующих германских послов, посланников и консулов прямо выразили неудовольствие своим министром, выступив с соответствующими открытыми письмами, в том числе, в таблоиде “Бильд”.

Журнал “Шпигель” констатировал, что Фишер “коснулся чувствительного нерва дипломатического ведомства”. Стало ясно, что “мумии” боятся “более внимательной проверки старых персональных актов”⁷. Газета “Берлинер Цайтунг” отмечала, что в германском МИД сохраняется “прежний корпоративный дух, который благополучно пережил все системы, диктатуры и революции”⁸.

Ответ Фишера оказался неожиданным и смелым: 6 июля 2005 г. министр распорядился создать независимую международную комиссию историков для расследования деятельности МИД в нацистский период и в первые послевоенные годы. Это решение оказалось одним из последних в министерской карьере Фишера. Его рейтинг к 2005 г. серьезно упал. Причинами были поддержка решений НАТО по Косово и Афганистану и так называемый коррупционный “визовый скандал” в ряде зарубежных представительств МИД. После прошедших в сентябре 2005 г. выборов в бундестаг коалиция Социал-демократической партии (СДПГ) и партии “Зеленых” прекратила существование и была заменена “большой коалицией” ХДС/ХСС и СДПГ. Министром иностранных дел стал Ф.-В. Штайнмайер (СДПГ). Но решение о формировании международной комиссии осталось в силе. При Штайнмайере, как и при его преемнике Г. Вестервелле, представляющем Свободную демократическую партию, проект Фишера получил финансовую и организационную поддержку.

В состав комиссии, собравшейся впервые 9 сентября 2005 г., вошли ведущие исследователи проблематики “третьего рейха” и послевоенного периода: германские профессора Э. Конце (Марбургский университет)⁹ и Н. Фрай (Йенский университет)¹⁰, израильский историк М. Циммерман (Еврейский университет в Иерусалиме)¹¹, американский

⁵ О Крапфе подробнее см.: *Döscher H.-J.* Seilschaften. Die verdrängte Vergangenheit des Auswärtigen Amts. Berlin, 2005. S. 82–86.

⁶ *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 9.II.2005.

⁷ *Der Spiegel*, 2004, № 40. S. 64.

⁸ *Berliner Zeitung*, 29.IX.2005.

⁹ *Conze E.* Von deutschem Adel: die Grafen von Bernstorff im zwanzigsten Jahrhundert. Stuttgart, 2000; *idem.* Die Suche nach Sicherheit: eine Geschichte der Bundesrepublik von 1949 bis in die Gegenwart. München, 2009.

¹⁰ *Frei N.* Der Führerstaat. Nationalsozialistische Herrschaft 1933–1945. München, 1987 (русск. перевод: *Фрай Н.* Государство фюрера. Национал-социалисты у власти. Германия. 1933–1945. М., 2009); *idem.* Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München, 1996; *idem.* 1945 und wir. Das Dritte Reich im Bewußtsein der Deutschen. München, 2005.

¹¹ *Zimmermann M.* Die deutschen Juden 1914–1945. München, 1997; *idem.* Deutsch-jüdische Vergangenheit. Judenfeindschaft als Herausforderung. Paderborn, 2005; *idem.* Deutsche gegen Deutsche. Das Schicksal der Juden 1938–1945. Berlin, 2008.

ученый П. Хейс (Северо-Восточный университет в Эванстоне, штат Иллинойс)¹². В помощь основным участникам комиссии была сформирована группа историков, которые работали над материалами архивов и над подготовкой разделов текста¹³.

Мнения о перспективах проекта оказались диаметрально противоположными. Один из авторов еженедельника “Шпигель” утверждал: “Давно назревшее извлечение уроков из прошлого МИД представляется ныне маловероятным”¹⁴. Авторитетный германский историк, основатель Билефельдской научной школы Г.-У. Велер назвал инициативу Фишера “чрезвычайно разумным предложением”, принятым, правда, с “непростительным запозданием”. Велер выражал твердую уверенность, что “найдутся знающие специалисты, которые хотя и могут написать коллективный портрет внешнеполитического ведомства”¹⁵.

Выступая на презентации отчета комиссии в Берлине, Фишер назвал его “некрологом, который заслужили эти господа” – нацистские дипломаты, продолжившие службу в министерстве иностранных дел ФРГ¹⁶. Несколько недель коллективное исследование держалось в списках бестселлеров (что не совсем обычно для серьезных изданий значительного объема). Взрыв общественного интереса перерос в возбужденную полемику. Задача нашего очерка состоит в том, чтобы раскрыть основные направления и возможные политические и научные последствия этой дискуссии.

НЕУДОБНАЯ ПРАВДА

Были ли ранее доступны германской общественности сведения об участии дипломатов “третьего рейха” в преступлениях режима? Безусловно, да.

На скамье подсудимых Международного трибунала в Нюрнберге рядом с Герингом и Кейтелем находились министр иностранных дел в кабинете Гитлера К. фон Нейрат (1933–1938 гг.) и его преемник на этом посту И. фон Риббентроп (1938–1945 гг.). В приговоре Нюрнбергского суда сказано: “Риббентроп участвовал во всех нацистских актах агрессии, начиная с оккупации Австрии и до вторжения в Советский Союз. Хотя он лично имел отношение в большей степени к дипломатической, чем к военной стороне этих актов, его дипломатические усилия были настолько тесно связаны с войной, что он не мог оставаться в неведении относительно агрессивного характера действий Гитлера. Риббентроп также оказывал содействие в проведении преступной политики и при управлении территориями, над которыми вследствие незаконного вторжения Германия получила контроль, в частности, в проведении политики истребления евреев”¹⁷. Риббентроп был приговорен к смертной казни и повешен 16 октября 1946 г. Его предшественника на посту министра К. фон Нейрата приговорили к 15 годам тюрьмы.

Международный трибунал не квалифицировал МИД, как и вермахт, в качестве преступных организаций. Но из приговора вытекали право и обязанность союзников судить нацистских преступников в индивидуальном или групповом порядке. В ходе подготовки к “большому” Нюрнбергскому процессу была достигнута договоренность, что после его завершения будут проведены “малые” международные процессы над нацистскими преступниками меньшего масштаба. Но осуществлению этого масштабного плана воспрепятствовало обострение отношений между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, помешала начинавшаяся “холодная война”. Последующие

¹² Hayes P. Industry and Ideology. IG Farben in the Nazi Era. Cambridge, 1987; *idem*. From Cooperation to Complicity. Degussa in the Third Reich. Cambridge, 2004.

¹³ Среди членов комиссии первоначально значились также профессора Г. Тёрнер (Иельский университет, США) и К. Хильдебранд (Боннский университет). В декабре 2008 г. Тёрнер скончался, его место занял Хейс. Хильдебранд вышел из комиссии в связи с болезнью.

¹⁴ Der Spiegel, 2005, № 14. S. 25.

¹⁵ spiegel.de/politik/deutschland/0,1518,348998,00.html

¹⁶ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 24.X.2010.

¹⁷ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в 7 т. Т. 7, М., 1961, с. 445.

дела слушал не Международный военный трибунал, а “Нюрнбергский военный трибунал”, созданный американским военным командованием. Дела формулировались как “Соединённые Штаты Америки против...”, прокуроры и следователи также были американцами. В 1946–1949 гг. было проведено 12 процессов; предпоследний из них именовался “процесс Вильгельмштрассе” – по названию берлинской улицы, где до весны 1945 г. располагался германский МИД.

Обвинение было предъявлено представителям различных властных структур “третьего рейха”, в том числе 8 дипломатам: бывшим статс-секретарям МИД Э. фон Вайцеккеру, А. фон Мойланду, В. Кепплеру, Э. Боле; заместителю статс-секретаря Э. Вёрману; послу для особых поручений, офицеру связи МИД при верховном командовании вермахта К. Риттеру; послу в Венгрии О. фон Эрдмансдорфу; полномочному представителю МИД в Югославии и Словакии Э. Веезенмайеру. В апреле 1949 г. было оглашено решение суда: Вайцеккер был приговорен к 7 годам заключения, Мойланд – к 7 годам, Кеплер – к 10 годам, Боле – к 5 годам, Вёрман – к 7 годам, Риттер – к 4 годам, Веезенмайер – к 20 годам. Все они были освобождены досрочно, не позднее 1951 г. Эрдмансдорф был оправдан¹⁸. Процессы над нацистскими преступниками принесли простым немцам не только страх, но и облегчение. Наказание военных преступников порождало иллюзию, что проблемы прошлого уже решены и можно уйти от мук совести и личной ответственности за преступления нацистского режима. Процесс Вайцеккера стал, по характеристике Фрая, “средством для того, чтобы трансформировать дипломатов Гитлера в дипломатов западногерманского государства”¹⁹.

Протоколы “процесса Вильгельмштрассе” (официальное трехтомное издание госдепартамента США) до сих пор доступны читателям только на английском языке²⁰. Дипломатическое ведомство ФРГ не поддержало идею их немецкого перевода.

“Вы снова здесь...”²¹ – под таким названием в сентябре 1951 г. журналист М. Мансфельд опубликовал на страницах “Франкфуртер Рундschau” серию статей, неопровержимо доказывавших кадровую преемственность между “Вильгельмштрассе” и едва начавшим формироваться министерством иностранных дел ФРГ²². Журналист назвал имена руководящих чиновников МИД ФРГ, замешанных в преступлениях “третьего рейха”. По инициативе социал-демократической фракции бундестага в ноябре 1951 г. была создана парламентская комиссия для расследования данных, приведенных Мансфельдом. Через полгода комиссия опубликовала свой отчет, который признавал справедливость предъявленных обвинений только в трех случаях²³; в отношении остальных 18 лиц было сказано, что они вполне достойны представлять интересы ФРГ за рубежом и в центральном аппарате МИД. Отчет комиссии обсуждался 22 октября 1952 г. на пленарном заседании бундестага. Хотя в выступлениях депутатов от СДПГ приводились данные о том, что 66% сотрудников МИД были членами нацистской партии, канцлер К. Аденауэр безоговорочно выступил в из защиту, заявив о необходимости прекратить “повсюду выискивать нацистов”²⁴.

¹⁸ Подробнее см.: *Kempner R. Ankläger einer Epoche. Lebenserinnerungen.* Frankfurt a.M., 1983; *Pöppmann D. Robert Kempner und Ernst von Weizsäcker im Wilhelmstraßenprozess. Zur Diskussion über die Beteiligung der deutschen Funktionselite an den NS-Verbrechen.* – *Im Labyrinth der Schuld. Täter, Opfer, Ankläger.* Frankfurt a.M., 2003. S. 163–197.

¹⁹ *Frankfurter Rundschau*, 27.X.2010.

²⁰ *Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Case 11: United States v. von Weizsaecker, v. XII–XIV.* Washington, 1950–1951.

²¹ “*Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten*” – “Вы снова здесь, изменчивые тени” – начальные слова из посвящения к первой части “Фауста” И.В. Гёте.

²² *Frankfurter Rundschau*, 1.–6.IX.1951.

²³ Через два-три года все они были благополучно возвращены в кадры МИД.

²⁴ Полный текст стенограммы заседания бундестага 22 октября 1951 г. см.: *Döscher H.-J. Verschworene Gesellschaft. Das Auswärtige Amt unter Adenauer zwischen Neubeginn und Kontinuität.* Berlin, 1995.

В июле 1965 г. на международной пресс-конференции в столице ГДР была представлена “Коричневая книга”, имевшая подзаголовок “Нацистские и военные преступники в Федеративной Республике”. Среди 1800 активных нацистов на службе ФРГ были названы 245 бывших дипломатов “третьего рейха”²⁵. Разумеется, в Бонне “Коричневая книга” была объявлена “инструментом коммунистической пропаганды”, и опубликованные данные скорее помогли внедрению нацистов в западногерманские политические структуры, нежели способствовали их увольнению с государственной службы и юридическому преследованию. Упомянутые в “Коричневой книге” преступники рассматривались как жертвы “агитационной кампании Восточной зоны”²⁶.

Американский исследователь К. Браунинг (ныне профессор университета Северной Каролины в Чапел Хилл) в середине 1970-х годов начал подготовку монографии о роли нацистского дипломатического ведомства в преследовании и уничтожении европейских евреев. Неоднократные попытки историка получить доступ к фондам Политического архива МИД ФРГ были тщетными. Ученому пришлось довольствоваться трофейными документами, находившимися в США. Книга Браунинга, вышедшая в свет на английском языке в 1978 г. и вызвавшая в США немало откликов, дождалась немецкого перевода только 32 года спустя²⁷.

В начале 1980-х годов приступил к работе над диссертацией на сходную тему соискатель Г.-Ю. Дёшер, ныне профессор Оснабрюкского университета. Как и в случае с Браунингом, ответом на просьбы о допуске к документам Политического архива МИД ФРГ был категорический отказ, в частности, под предлогом недостатка рабочих мест в читальном зале²⁸. Однако Дёшеру удалось, опираясь на фонды Национального архива США и на некоторые документы Федерального архива ФРГ, изучить 330 персональных актов нацистских дипломатов (из наличествующих 45005). Дёшер пришел к однозначному выводу о преступной вине высших чиновников министерства, в том числе Вайцеккера. Когда диссертация молодого ученого была опубликована²⁹, она подверглась разносторонней критике, в том числе и со стороны популярных публицистов-либералов.

Фронт приверженцев легенды о Вайцеккере как борце Сопротивления (а стало быть, и реабилитации, хотя бы и частичной, нацистского МИД), вышел за пределы консервативных группировок. Издатель журнала “Шпигель” Р. Аугштейн утверждал, что Вайцеккер “не участвовал в формировании внешней политики, но всего лишь исполнял обязанности высокопоставленного чиновника”, “стремился к лучшему”, носил черную форму СС “для маскировки”. Книга Дёшера осуждалась как написанная исключительно “с сегодняшней точки зрения”³⁰. Аналогичные тезисы были выдвинуты ведущим политологом профессором Тюбингенского университета Т. Эшенбургом. Дёшер, по его мнению, просто “не знает тогдашней обстановки и не может понять ее

²⁵ Braunbuch. Kriegs- und Naziverbrecher in der Bundesrepublik. Staat, Wirtschaft, Verwaltung, Armee, Justiz, Wissenschaft. Berlin, 1965.

²⁶ Отношение к “Коричневой книге” в современной ФРГ существенно изменилось. В 2002 г. она была переиздана. Историк и публицист Г. Али отмечает: «“Коричневая книга” была документом определенной фазы внутригерманской “холодной войны”. Она рассматривалась как нечто неприемлемое в политическом отношении. Но эмпирические данные оказались верными, и уровень ошибок не превышал одного процента». – Berliner Zeitung, 9.VIII.2002.

²⁷ Browning Ch. The Final Solution and the German Foreign Office. A Study of Referat D III of Abteilung Deutschland 1940–1943. New York, 1978; Browning Ch. Die “Endlösung” und das Auswärtige Amt. Das Referat D III in der Abteilung Deutschland 1940–1943. Darmstadt, 2010.

²⁸ В аналогичной ситуации оказался в 1960-е годы Г.-У. Велер, которому всякий раз, когда он запрашивал в Политическом архиве те или иные материалы, говорили, что “документы в обработке” (spiegel.de/politik/deutschland/0,1518,348998,00.html). Г. Али именовал руководителей архива “участниками заговора замалчивания”, добавляя: “Там я сразу попадал в категорию врагов”. – Frankfurter Rundschau, 4.XI.2010.

²⁹ Döschner H.-J. Das Auswärtige Amt im Dritten Reich. Diplomatie im Schatten der Endlösung. Berlin, 1987.

³⁰ Der Spiegel, 1987, №12, S.138–142. Все это не помешало тому же журналу через 12 лет называть работу Дёшера “стандартной” – Der Spiegel, 2005, № 14, S. 25.

как историк”, “не учитывает, не упоминает затруднительного положения”, в котором “вынужденно” находились Вайцзеккер и другие дипломаты. Дёшеру вменялась в вину “недостаточная проверка цитат”, ему “следовало бы знать”, что МИД был “пунктом кристаллизации движения Сопротивления”, что в его стенах якобы формировался “за-слон против нацистской инфильтрации”³¹. Постулаты такого рода стали шаблоном в трактовке деятельности “Вильгельмштрассе”. Этот шаблон стойко держался в общественном сознании ФРГ вплоть до последнего времени.

“МИНИСТЕРСТВО И ПРОШЛОЕ”: ДОКУМЕНТЫ И ВЫВОДЫ

Главное условие успеха независимой международной комиссии – максимальное использование фондов 33 архивов ФРГ, США, Франции, Израиля. Широко представлены германские архивохранилища: Федеральный архив, Федеральный военный архив, архив Института современной истории (Мюнхен), архивы бундестага, политических партий и федеральных земель, а также интернет-ресурсы нескольких британских, американских и германских архивов. Но основное значение, естественно, приобрели фонды Политического архива МИД ФРГ. Примечания к тому (почти исключительно ссылки на архивные фонды) занимают 85 страниц убогистого шрифта.

Участники проекта характеризовали прежнюю политику руководства архива как “недружественную”, “не соответствующую правилам демократической открытости” и “противостоящую попыткам независимого критического исследования истории”³².

Работа сотрудников комиссии в Политическом архиве МИД ФРГ поначалу шла негладко. По словам Конце, историки “в немалой степени ощущали предубеждения и скепсис. Но в конце работы возникло разумное сотрудничество”³³. Об этом свидетельствует и Фрай: “Долгое время мы чувствовали, что работникам архива было неловко. Но нас поддержал министр Штайнмайер”³⁴. Все ли документы архива оказались доступными? Хейс предпочел так ответить на этот вопрос: “Хотя мы не можем сказать с уверенностью, что мы видели все материалы, мы убеждены в том, что достаточно основательно обрисовали общую картину”³⁵.

Опираясь на архивные документы, историки отмечают, что после нацистского государственного переворота “дипломаты, приспособляясь к режиму, не выражали явного протеста против практики репрессий и насилия”³⁶. Авторы книги “Министерство и прошлое” подчеркивают: “Цели большинства влиятельных дипломатов совпадали с правительственным внешнеполитическим курсом... Гитлер в решающей степени воздействовал на курс, методы и темпы внешней политики, оставляя чиновникам внешнеполитического ведомства ежедневную рутинную работу”³⁷.

Чиновники германского внешнеполитического ведомства поддержали приход Гитлера к власти. Министр Нейрат и статс-секретарь МИД Вайцзеккер (позднее посол в Швейцарии) были демонстративно приняты в ряды нацистской партии и СС. За ними последовали другие, менее значительные мидовские чиновники³⁸. Их ряды – задолго до

³¹ Die Zeit, 5.VI.1987. О позиции Эшенбура см.: *Eisfeld R. Theodor Eschenburg: Übrigens vergaß er noch zu erwähnen ... Eine Studie zum Kontinuitätsproblem in der Politikwissenschaft.* – *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 2011, № 1.

³² Das Amt die Vergangenheit. S. 716–719.

³³ Der Spiegel, 2010, № 43. S.50.

³⁴ Frankfurter Rundschau, 27.X.2010.

³⁵ www.dw-world.de/dw/article/06162244,00.html

³⁶ В книге часто используется термин “Selbstgleichschaltung” (“добровольное подключение”) – ощущение себя частью существующего строя.

³⁷ Das Amt die Vergangenheit. S. 88–89.

³⁸ М. Циммерман обращает внимание на “бесшовное сращивание” дипломатов конца Веймарской республики с пришедшим ей на смену нацистским режимом: “Внешнеполитическое ведомство – это пример сотрудничества “порядочного” бюргерства с нацистской политикой... Вполне достаточно быть немного антидемократическим, немного расистским, немного антисемитским, чтобы вступить на путь радикализации”. – *Der Tagesspiegel*, 25.X.2010.

прихода Риббентропа на пост министра (1938 г.) – были разбавлены многочисленными выходцами из СС и СД. После ухода с поста министра и замены его Риббентропом, Нейрат в чине обергруппенфюрера СС (этот чин соответствует генералу рода войск) был назначен протектором Богемии и Моравии.

В ходе преследования немецких антифашистов-эмигрантов МИД фактически исполнял роль филиала гестапо. В начале 1934 г. высокопоставленный берлинский дипломат требовал от зарубежных представительств организовать “поименное выявление” противников режима. Это касалось “прежде всего, бывших ведущих немецких коммунистов, пацифистов и социал-демократов”. Предписывалось “следить за ними и докладывать об их деятельности”, “взять их на учет и составить картотеку для нужд гестапо”³⁹.

По представлению МИД в августе 1933 г. были лишены германского гражданства социал-демократы Р. Брейтшейд, О. Вельс, писатели Г. Манн, Л. Фейхтвангер, К. Тухольский. Проект аналогичного решения относительно гениального физика А. Эйнштейна первоначально встретил робкие возражения дипломатического ведомства – ввиду его “заслуженной или незаслуженной мировой известности”. Но власти сошлись на том, что позиция ученого “наносит ущерб его родине”, и позорный приказ о лишении Эйнштейна германского гражданства был подписан⁴⁰.

В октябре 1934 г. было предложено осуществить аналогичную унижительную процедуру относительно находившегося в Швейцарии классика мировой литературы Т. Манна. В книге “Министерство и прошлое” впервые опубликована подробная переписка по этому поводу германского посла в Швейцарии Вайцеккера с берлинскими учреждениями. Именно от Вайцеккера исходила инициатива экспатриации великого немецкого писателя; послу принадлежала формулировка: “терпение германских властей исчерпано”. Высказывались робкие опасения, что процедура лишения гражданства в первой половине 1936 г. может вызвать нежелательную реакцию “иностранной общественности”, поскольку в Германии шла подготовка к проведению Олимпийских игр. Но в декабре 1936 г., после завершения международных соревнований, Т. Манн был лишен имперского гражданства, его имущество и банковские счета были конфискованы. “Последней каплей”, по прямому настоянию Вайцеккера, послужило “крамольное” заявление писателя о том, что преследования евреев “наносят вред не только евреям, но – Европе и высокому германскому началу”, “создают угрозу непреодолимого отчуждения между страной Гёте и остальным миром”⁴¹.

В книге “Министерство и прошлое” обстоятельно раскрыта активная роль нацистских дипломатов в подготовке и осуществлении “аншлюса” Австрии, Мюнхенского соглашения и захвата Чехословакии. На основании впервые публикуемых документов отвергается широко распространенный миф о стремлении Вайцеккера “предотвратить большую войну”, поскольку он якобы “служил не Гитлеру, но идее мира”⁴². “МИД, – убеждены авторы книги, – отнюдь не находился в стороне от стремительной эрозии цивилизаторских стандартов по направлению к убийственной захватнической войне”⁴³.

Сотрудники внешнеполитического ведомства “с энтузиазмом включились в преследование евреев”, “занимались делами, которые не имели ничего общего с дипломатией”⁴⁴; они несли преступную ответственность за геноцид еврейского населения на оккупированных территориях и в странах-сателлитах. С этой целью в структуре МИД был

³⁹ Das Amt die Vergangenheit, S. 81.

⁴⁰ Ibid. S. 82–83.

⁴¹ Ibid. S. 84–86. В нескольких интервью, которые бывший президент ФРГ Р. фон Вайцеккер дал ведущим немецким изданиям, он утверждал, что ничего не знал об этой постыдной странице в биографии своего отца: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 24.X.2010; Der Spiegel, 2010, № 35. S. 70–73.

⁴² Das Amt und die Vergangenheit. S. 136.

⁴³ Ibid. S. 167.

⁴⁴ Ibid. S. 183, 169.

создан специальный “еврейский отдел”⁴⁵, во главе которого находился штурмбанфюрер СС Ф. Радемахер. Широкое распространение после выхода в свет отчета комиссии получило “обоснование” Радемахером его служебной командировки в оккупированный Белград: “ликвидация евреев в Сербии”. В рамках ведомства, заключают члены международной комиссии, “с самого начала это не было тайной”⁴⁶. 20 января 1942 г. высокий чиновник МИД участвовал в проведении так называемой “конференции Ваннзее”, на которой была принята директива об “окончательном решении еврейского вопроса” – физическом уничтожении всех европейских евреев. Единственный сохранившийся экземпляр протокола конференции был обнаружен после войны именно в архиве внешнеполитического ведомства.

В ходе подготовки “плана Барбаросса” в аппарате МИД был создан специальный “русский комитет”. 21 мая 1941 г. в ведомство Розенберга (имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий) был направлен представитель МИД О. Бройтигам. В его меморандуме от 17 июня 1941 г. было недвусмысленно сказано: “В соответствии с приказами фюрера необходимо осуществить все меры по незамедлительному и эффективному использованию в интересах Германии оккупированных областей... Поход против Советского Союза является мероприятием крупнейшей исторической значимости. Он должен навсегда покончить с опасностью, которую представляет для Германии сильное, экономически развитое и организованное государство”⁴⁷.

Спецпредставители внешнеполитического ведомства были направлены в распоряжение командования имперских комиссариатов “Остланд” и “Украина”. Отчеты о действиях эсэсовских карателей (зондеркоманд и айнзацгрупп) на территории СССР не просто регистрировались чиновниками внешнеполитического ведомства – они служили для дипломатов инструкциями по осуществлению новых злодеяний. Представители МИД напрямую участвовали в военных преступлениях. В штабы всех общевойсковых и танковых армий вермахта были включены представители МИД в военной форме⁴⁸.

Заслуживают пристального внимания выводы авторов проекта, основанные на впервые введенных в научный оборот документах: “О гибели трех миллионов советских пленных, о методах ведения войны на Востоке и ее преступном характере в МИД было хорошо известно – как из собственных наблюдений, так и из обмена информацией с высшим руководством полиции и СС. Специальные отделы министерства занимались организацией рабского труда и похищением культурных ценностей... Они были помощниками оккупантов, они знали о преступлениях, они участвовали в преступлениях... Как правило, они делали все, чтобы соответствовать ожиданиям имперского правительства. Иные проявления были исключением”⁴⁹.

В августе 1940 г. шеф Главного управления имперской безопасности (РСХА) Р. Гейдрих предлагал чиновникам МИД “подготовить депортацию всех евреев из оккупированных районов и проверку того, экспроприировано ли их имущество”. Через месяц Гейдрих подписал директиву о том, что “все вопросы”, касающиеся депортации и уничтожения евреев в странах, оккупированных рейхом, СС следует “решать при непрерывном сотрудничестве с внешнеполитическим ведомством”. МИД практически действовал как “рабочий штаб для осуществления предварительных мероприятий для окончательного решения еврейского вопроса”⁵⁰.

О. Абец, в 1940–1944 гг. германский посол при правительстве Виши, полностью поддерживал расстрелы заложников, депортацию на верную смерть евреев и коммунистов⁵¹. 6 марта 1942 г. Радемахер писал начальнику отдела РСХА, занимавшегося

⁴⁵ Referat D-III.

⁴⁶ Das Amt und die Vergangenheit. S. 186.

⁴⁷ Ibid. S. 203–204.

⁴⁸ Ibid. S. 207–209.

⁴⁹ Ibid. S. 167–168.

⁵⁰ Ibid. S. 189, 191.

⁵¹ Ibid. S. 231.

уничтожением евреев⁵², оберштурмбанфюреру СС А. Эйхману: “Со стороны ведомства нет сомнений в отношении планового выселения в концлагерь Аушвиц (Верхняя Силезия) 6000 французских евреев-граждан Франции или евреев без гражданства”⁵³. Позиция Радемахера получила полную поддержку статс-секретаря МИД Вайцзеккера.

В наши дни число сторонников прежней трактовки германского дипломатического ведомства как “пункта кристаллизации движения Сопротивления” стремительно сократилось. Зато широкое распространение получила неопределенно-уклончивая формулировка: МИД нельзя именовать “ни очагом Сопротивления, ни проводником политики СС” – истина якобы находится “где-то посередине”⁵⁴. Именно поэтому одной из центральных задач участников исследовательского проекта “Министерство и прошлое” был поиск обоснованного ответа на вопрос о степени и формах участия немецких дипломатов в антинацистских акциях. Авторы книги на основе впервые публикуемых документов пришли к выводу, что формирование оппозиционных настроений у некоторых сотрудников МИД началось в 1943–1944 гг., когда ясно определилась перспектива поражения гитлеровского рейха, но какого-либо антинацистского центра в рамках германского внешнеполитического ведомства не существовало.

К числу дипломатов, прямо участвовавших в заговоре 20 июля 1944 г., относились представители прусской аристократии Г.-Б. фон Хефтен и А. фон Тротт цу Зольц. Они входили в один из интеллектуальных центров оппозиции – так называемый “кружок Крайзау” и были казнены по приговору нацистского “народного суда”. Хефтен во время процесса назвал Гитлера “самым крупным воплощением зла”.

Были обвинены в связях с заговорщиками и приговорены к смерти бывший посол в Москве граф Ф.В. фон дер Шуленбург и не состоявший после 1937 г. в штате МИД бывший посол в Риме У. фон Хассель. В кругах оппозиции Хассель и Шуленбург, наряду с Вайцзеккером, рассматривались в качестве возможных кандидатов на пост министра иностранных дел в правительстве канцлера К. Гёрделера, которое должно было прийти к власти в случае успеха заговора.

Руководство МИД “третьего рейха” всеми силами стремилось дистанцироваться от отставного дипломата Хасселя. В служебной записке МИД от 2 сентября 1944 г. было сказано: “Не будет соответствовать общему интересу... если Хассель, который в течение многих лет не появлялся в министерстве, будет фигурировать как представитель дипломатического корпуса”⁵⁵.

Роль же Шуленбурга в МИД в 1941–1944 гг. была крайне незначительной: формально возглавляя 13-й политический (“русский”) отдел, он не имел ни реальных полномочий, ни политического влияния. Заговорщики намеревались использовать Шуленбурга для установления контактов с советским правительством и разъяснения целей антигитлеровской оппозиции. Но контакты эти так и не состоялись⁵⁶.

Члены независимой международной комиссии публикуют новые материалы о сотрудниках германского внешнеполитического ведомства, которые уже в конце 1930-х годов осознали всемирную опасность нацистской диктатуры и добровольно пошли на контакты с советской разведкой. Речь, прежде всего, идет о Р. фон Шелиа, потомственном прусском дворянине, участнике Первой мировой войны, который возглавлял в МИД сектор информации о странах Центральной и Восточной Европы. Шелиа входил в состав антинацистской группы “Красная капелла”, ему был присвоен псевдоним “Ариец”. В конце декабря 1940 г. Шелиа сообщил в Москву о разработке плана нападения Германии на СССР, был

⁵² Referat IV-D-4.

⁵³ Das Amt und die Vergangenheit. S. 228–229.

⁵⁴ 125 Jahre Auswärtiges Amt. Festschrift. Bonn, 1995. S. 96.

⁵⁵ Das Amt und die Vergangenheit. S. 305–309.

⁵⁶ См.: Соколов В.В. Германский посол в Москве в 1934–1941 годах Ф. Шуленбург – противник войны с Советским Союзом. – Новая и новейшая история, 2010, № 2; Хавкин Б.Л. Граф Шуленбург: “Сообщите господину Молотову, что я умер... за советско-германское сотрудничество”. – Родина, 2011, № 1.

арестован, осужден за государственную измену и казнен 22 декабря 1942 г. Связной Шелиа была И. Штёбе (псевдоним “Альта”) – сотрудница внешнеполитического ведомства, талантливая журналистка, убежденная противница нацистского режима. Она, как и Шелиа, была приговорена нацистами к смерти и казнена в один день с ним. Ее мать и брат погибли в нацистских застенках⁵⁷. Западно-германское дипломатическое ведомство лишь в 1959 г. перестало именовать Шелиа “предателем”. После долгих проволочек его имя было занесено на мемориальную доску участников Сопротивления в нынешнем здании МИД ФРГ в Берлине⁵⁸; Штёбе этой чести так и не удостоилась.

Внимание читателей книги “Министерство и прошлое” привлечено к судьбе Ф. Кольбе, мидовского чиновника, имевший доступ к закрытой дипломатической переписке, который, действуя из патриотических и гуманных соображений, передавал секретные документы представительству Управления стратегических служб США в Берне. “Я стремился, – говорил Кольбе, – сократить сроки войны и спасти от мучений несчастных узников концлагерей”. Среди переданных им документов – материалы о депортации венгерских евреев, о производстве ракетного оружия в Германии, об отношениях “третьего рейха” с его сателлитами. Кольбе сумел избежать разоблачения и находился (в стесненных материальных условиях) сначала в Швейцарии, затем во Франкфурте-на-Майне. В 1951 г. он попытался добиться своего включения в штат начавшего свою деятельность МИД ФРГ, но получил решительный отказ. Кольбе умер в 1971 г. так и не дождавшись реабилитации. Официально его заслуги были признаны в ФРГ лишь в 2004 г.⁵⁹

“ДИПЛОМАТЫ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ УЖЕ ЗДЕСЬ”

Новые принципиально важные документы анализируются в разделе книги “Еще раз против Востока”. Начиналась “холодная война”, и для Управления стратегических служб (УСС) США особый интерес представлял опыт бывших германских дипломатов, работавших в разное время в СССР. В июле 1945 г. в Висбадене (американская зона оккупации) с этой целью была создана “специальная миссия по опросу германского персонала”⁶⁰. Интернированные дипломаты Г. фон Дирксен, А. Хенке и Г. фон Херварт содержались в привилегированных условиях и дали американцам такие показания, которые те желали получить. “Наблюдения экспертов о русском фронте и России носят исключительно ценный характер”, – утверждали американские кураторы нацистских дипломатов. Эти показания были обозначены буквами “А”, “В”, “С”. Как отмечают авторы труда “Министерство и прошлое”, участники “опросов” небезуспешно стремились “защитить от обвинений МИД и вермахт”, “разжечь конфликт между американцами и русскими” с тем, чтобы “приписать московскому руководству агрессивные намерения”. В качестве “эксперта по России” выступал военный преступник Бройтигам. Особым спросом у американских спецслужб пользовалась трактовка “экспертами” нападения Германии на СССР как “необходимого шага стратегической самозащиты”. Все это, подчеркивают издатели монографии, “хорошо вписывалось в концепцию американцев”. В отчете о деятельности висбаденской группы (начало 1946 г.) сотрудники УСС утверждали, что США необходимо обороняться от “агрессивных поползновений

⁵⁷ Ibid. S. 298–300, 560–569; *Sahm U. Rudolf von Scheliha 1897–1942. Ein deutscher Diplomat gegen Hitler*. München, 1990; *idem*. Ilse Stöbe. – Die Rote Kapelle im Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Berlin, 1994.

⁵⁸ На памятной доске всего 12 имен, в то время как в 1933–1945 гг. в МИД были тысячи служащих.

⁵⁹ Das Amt und die Vergangenheit. S. 309–312, 551–558. В 2004 г. по распоряжению Й. Фишера именем Кольбе был назван один из залов в новом здании МИД в Берлине.

⁶⁰ Н. Фрай обращает внимание на готовность нацистов «предстать перед американцами с опытом и мировоззрением войны “на Востоке”, которую они вели и проиграли»: *Weinke A., Frei N.* Warum es um die “Mumien” einsam wird. Das Ende der Legende vom “anständig” gebliebenen Auswärtigen Amt. – Blätter für deutsche und internationale Politik. 2010, № 12. S. 78.

русских”, а “западная часть Германии должна быть восстановлена в качестве оплота против коммунизма”⁶¹.

В последние дни войны американцы взяли в плен Г. Хильгера. В 1923–1941 гг. он был сотрудником германского посольства в Москве, участвовал в советско-германских переговорах 1939 и 1940 гг., нес вину за военные преступления на оккупированных территориях. Сразу же Хильгер был причислен к “топ-источникам” американских спецслужб и назван “живой энциклопедией по русским делам”. Один из начальников американской военной разведки писал: “Прежние мотивы германской политики представляют сегодня всего лишь академический интерес... Но мотивы российской политики имеют сегодня тем большее значение потому, что Советская Россия, благодаря ее победам и триумфу над Германией, приобрела значительное влияние на Западе”. Вместе с семьей Хильгер был переправлен в США, где несколько лет выполнял поручения ЦРУ и госдепартамента. После возвращения в Западную Германию Хильгер (как и Дирксен) стал экспертом так называемой “организации Гелена”, в 1953–1956 гг. преобразованной в Федеральную разведывательную службу ФРГ⁶².

В первые послевоенные годы из 129 ведущих чиновников прежнего МИД успешно прошли денацификацию 114. Лишь 15 (да и то большинство на время) не были допущены в состав воссозданного в 1951 г. западно-германского дипломатического ведомства. Авторы проекта пришли к следующему принципиальному выводу: “Денацификация МИД стала результатом гигантских усилий по снятию обвинений”⁶³. Массовый характер приняла фальсификация документов, представленных в органы по денацификации. В 1952 г. западно-германский суд приговорил Радемахера к 3 годам и 5 месяцам тюрьмы, через полгода он был отпущен на свободу. В 1968 г. он был судим снова и получил 5 лет заключения⁶⁴.

На “процессе Вильгельмштрассе”, архивные материалы о проведении которого обстоятельно рассмотрены в книге “Министерство и прошлое”, обвинителем был Р. Кемпнер – человек антифашистских убеждений, юрист, эмигрировавший из нацистской Германии и получивший американское гражданство. Кемпнер искренне верил в то, что подсудимых удастся разоблачить как “банду убийц”, а МИД будет заклеен как “логово преступников”⁶⁵. В обвинительном заключении о дипломатах-нацистах было сказано: “Без их учреждений, без директив, авторами которых они являлись, никакой Гитлер, никакой Геринг не смогли бы планировать и вести захватнические войны, никакой Гиммлер не смог бы уничтожить 6 миллионов евреев и других жертв нацистской агрессии и идеологии”⁶⁶.

Судебные слушания начались 6 января 1948 г. Оглашение приговора состоялось 11 апреля 1949 г. Процесс почти совпал по времени с советской блокадой Западного Берлина, с резким обострением “холодной войны”. Усилия многочисленной команды адвокатов (к которой принадлежал и Р. фон Вайцзеккер – бывший офицер вермахта, участник боев на Восточном фронте и сын бывшего статс-секретаря МИД), открытое и замаскированное давление на суд, разногласия в рядах судейской коллегии – все это определило предельно мягкий характер приговора, дополненного досрочным освобождением подсудимых. После оглашения приговора Кемпнер был крайне обескуражен тем, что “замаранные кровью благородные господа из внешнеполитического ведомства” отделались столь легкими наказаниями⁶⁷.

По мнению авторов коллективного труда, аргументы юридической и идеологической защиты Вайцзеккера и других подсудимых сыграли решающую роль в разработке

⁶¹ Das Amt und die Vergangenheit. S. 363–368.

⁶² Ibid. S. 369–373.

⁶³ Ibid. S. 353.

⁶⁴ Ibid. S. 481–482.

⁶⁵ Kempner R. Op. cit. S. 310.

⁶⁶ Das Amt und die Vergangenheit. S. 392.

⁶⁷ Ibid. S. 400.

модели “индивидуального и коллективного самооправдания”. Эта “оборонительная стратегия в течение последующих десятилетий подвергалась лишь незначительным уточнениям и дополнениям”. “Процесс Вильгельмштрассе” стал “экспериментальной площадкой” для создания “очищенной памяти” о прошлом⁶⁸.

Участники проекта обращают внимание на неслучайное совпадение двух событий в политической жизни Западной Германии: 31 января 1951 г. американский верховный комиссар вынес решение о генеральной амнистии, а 6 марта 1951 г. по согласованному решению правительств США, Великобритании и Франции в Бонне началось воссоздание внешнеполитического ведомства ФРГ. Незамедлительно начался набор “бывших” в штаты нового министерства.

Военный преступник Бройтигам в 1945 г. был интернирован американцами и использован ими как “эксперт по России”. В 1953 г. он был зачислен в кадры МИД, в 1958–1960 гг. служил в должности руководителя Восточного отдела МИД и был генеральным консулом ФРГ в Гонконге. Бройтигам награжден Большим Федеральным крестом “За заслуги” – высшей наградой ФРГ. Был оправдан и допущен в руководящий состав МИД упоминавшийся выше Крапф, завершивший службу на посту представителя ФРГ при НАТО⁶⁹.

В книге приводятся относящиеся к 1951 г. слова журналиста Мансфельда: “Дипломаты вчерашнего дня уже здесь. Генералы вчерашнего дня уже на подходе”⁷⁰. Авторы коллективного труда приходят к выводу о “прямой преемственности” боннского МИД и берлинской “Вильгельмштрассе”, о “ползучей реставрации внешнеполитического ведомства”⁷¹.

Доклад министерской комиссии содержит новые факты о попытках западно-германской правящей элиты воздействовать в нужном ей духе на историческое сознание немцев. В обстановке “экономического чуда” и роста международной напряженности монополия консервативной историографии в ФРГ представлялась незыблемой. Доминировал комфортный для общества тезис о “третьем рейхе” как воплощении разрыва связей с национальным прошлым. Но осенью 1961 г. произошло событие, оставившее неизгладимый след в исторической науке ФРГ: вышла обширная монография профессора Гамбургского университета Ф. Фишера “Рывок к мировому господству”⁷².

Фишер, весьма далекий от левых воззрений, посвятивший свои прежние работы истории протестантизма, обратился к проблематике ответственности Германии за развязывание Первой мировой войны. Новыми были многообразные источники из немецких и зарубежных архивов, введенные Фишером в научный оборот (в том числе из фондов концернов и банков). Новой – и это, безусловно, являлось главным, – стала готовность определенной части общественного мнения ФРГ воспринять установки Фишера как имевшие прямое отношение к недавнему прошлому немецкой нации. Безупречно обоснованные архивными материалами выводы ученого о виновности кайзеровской Германии в развязывании войны 1914 г. возбудили продолжающийся и ныне спор о континуитете, т.е. о преемственности господства немецких хозяйственных и политических элит, об их ответственности за установление гитлеровской диктатуры, за Вторую мировую войну.

Фишер подвергся на своей родине настоящей травле. Едва ли не основным пунктом обвинений против него было утверждение, что его выводы совпадают с установками историков ГДР. В книге “Министерство и прошлое” впервые показана реакция руководства дипломатического ведомства ФРГ на вызов, брошенный Фишером и его единомышленниками. В декабре 1961 г. профессор Кёльнского университета Т. Шидер

⁶⁸ Ibid. S. 402, 410–411, 412.

⁶⁹ Ibid. S. 583–595.

⁷⁰ Ibid. S. 473.

⁷¹ Ibid. S. 492.

⁷² Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegspolitik des kaiserlichen Deutschland 1914–1918. Düsseldorf, 1961.

направил тревожное письмо руководителю Политического архива МИД И. Ульриху. Работа Фишера и ее возможные последствия были названы “национальной катастрофой”. Фрайбургский профессор Г. Риттер предупреждал министра иностранных дел Г. Шрёдера о том, что “радикализм обвинений Фишера значительно опаснее тезиса о виновности за развязывание войны, который содержался в Версальском договоре”. Секретарь министерства К. Карстенс обращал внимание руководства на “нетерпимые установки Фишера”.

Фишер был приглашен для чтения лекций в университетах США. Поскольку визит планировался на средства Института Гёте, финансируемого министерством иностранных дел ФРГ, последовало новое обращение Риттера к министру Шрёдеру об опасности того, что “насквозь незрелые тезисы Фишера будут распространяться по косвенному поручению МИД”, а американская публика “будет, разумеется, не в состоянии вынести суждение о степени достоверности его утверждений”. Риттер прямо требовал от министра помешать поездке Фишера. Шрёдер начал действовать: было объявлено строгое предупреждение атташе по культуре посольства ФРГ в Вашингтоне, по чьей инициативе состоялось приглашение. Для увещевания Фишера в Гамбург был командирован ответственный чиновник МИД. В Америку были направлены официальные послания об отсутствии средств у Института Гёте.

Однако деньги были собраны американскими университетами. Весной 1964 г. поездка Фишера в США состоялась и прошла с полным успехом. Посольство ФРГ с сожалением докладывало в Бонн, что Фишера встречали как “человека, пострадавшего во имя свободы науки”⁷³. Авторы коллективного труда приходят к выводу: “Вмешательство внешнеполитического ведомства, в конечном счете, способствовало превращению дебатов о книге Фишера в решающее событие в исторической науке ФРГ”⁷⁴.

“ВЫСОКОЕ ДОСТИЖЕНИЕ” ИЛИ “КНИГА МСТИ”?

Среди откликов немецкой прессы, посвященных отчету независимой международной комиссии, выделяется точностью оценок статья еженедельника “Цайт”, в которой сказано: “Результат этой работы, в сопоставлении с тем, что мы знаем о национал-социализме и его воздействиях на послевоенную Германию, не является сенсацией. Но, без сомнения, это одно из самых важных исследований последних лет в сфере современной истории... После юстиции, вермахта и различных хозяйственных структур пришла очередь конфронтации с таким относительно закрытым учреждением, как МИД, с его приукрашиванием своего прошлого”. О дипломатах “третьего рейха” в статье говорится: “Они рассчитывали играть в игры с дьяволом и проиграли, потому что оказались актерами дьявола”⁷⁵. “Книга является произведением многих авторов, но она как бы отлита из одного куска металла”, – писала газета “Франкфуртер Рундschau”⁷⁶.

В многочисленных интервью, посвященных выходу книги, авторы высказали основополагающие суждения о ее направленности и содержании. Конце следующим образом изложил свою позицию: “МИД не был, как это долго утверждалось, каким-то образом втянут в систему национал-социализма и вовсе не являлся очагом Сопротивления. С первого до последнего дня МИД функционировал как институт нацистского режима, участвуя во всех его преступлениях... Министерство иностранных дел Германии было преступной организацией”⁷⁷. Эта предельно заостренная формулировка вызвала в прессе многочисленные нападки и возражения. Но оппоненты марбургского профессора нередко оставляли без внимания оценки министерства, содержащиеся в выступлениях соавторов Конце. Это относится к не менее резкой и точной формулировке Фрая: “МИД

⁷³ Das Amt und die Vergangenheit. S. 616–619.

⁷⁴ Ibid. S. 619.

⁷⁵ Die Zeit, 28.X.2010.

⁷⁶ Frankfurter Rundschau, 25.X.2010.

⁷⁷ Der Spiegel, 2010, № 43. S. 40.

не был ведомством в рамках третьего рейха. Он был ведомством на службе третьего рейха”⁷⁸. В аналогичном духе выступил Хейс: “Я бы высказался иначе, чем профессор Конце. Я бы сказал, что министерство в большей мере было частью преступного режима, нежели преступной организацией. Но если посмотреть более внимательно, то особой разницы в формулировках нет”⁷⁹. Один из журналистов задал Фрау вопрос: “Насколько глубоко МИД был вовлечен в преступления Холокоста?”. Историк отреагировал так: «Вовлечен? Ведомство было участником злодеяний. Мы сознательно не использовали словечко “вовлечен”, поскольку оно явно преуменьшает вину министерства»⁸⁰.

“Кое-кого это приводит в ярость”, – отмечает швейцарская “Нойе Цюрихер Цайтунг”, предвидя “реакцию отторжения” со стороны правого крыла публицистики⁸¹. Первоначально “позитивное, даже восторженное согласие” с положениями книги, – отмечал Конце,⁸² – быстро сменилось, по словам Циммермана, “кампанией критики, которая напоминает крестовый поход”, превращением страниц некоторых изданий в “поле для атаки”⁸³. Но “шок был преодолен”⁸⁴, наступила “вторая волна” дискуссии⁸⁵. Профессор Фрайбургского университета У. Герберт говорил, выступая по радио: “Представляется удивительным, волнующим и странным то, что различные редакции, соревнуясь друг с другом, публикуют статьи, которые становятся все пространнее”⁸⁶. Полностью оправдался прогноз газеты “Цайт”: консервативные ученые, которые “до сих пор занимали привилегированную позицию в разработке истории МИД”, несомненно, будут по-своему реагировать на брошенный вызов⁸⁷.

Тон дебатам задал профессор Боннского университета Р. Блазиус, один из официальных издателей имеющей серьезное научное значение продолжающейся серии актов внешней политики ФРГ (1994–2000 гг.), автор ряда работ по истории немецкой дипломатии. В октябре 2010 – январе 2011 гг. он опубликовал в газете “Франкфуртер Альгемайне” серию статей, направленных против отчета независимой международной комиссии. Для Блазиуса неприемлем сам факт дискуссии о нацистских преступниках, находившихся на дипломатической службе ФРГ. Успех книги он объясняет ее удачной рекламой. Не без пафоса он вопрошает: «Когда же закончится эйфория по поводу бестселлера “Министерство и прошлое”?»). Нескрываема неприязнь историка к Й. Фишеру, который будто бы “разрушил самосознание МИД”, выступил “в роли судьи”, стремился “лишить самосознания профессиональных дипломатов, отрезав их от исторических корней”. Фишер, утверждает Блазиус, использовал свой пост министра иностранных дел для “очернения всего поколения служащих внешнеполитического ведомства, которые вернули миру авторитет Германии”.

Блазиус горячо выступает против “обвинений и подозрений” по отношению к руководству Политического архива МИД ФРГ. Он не жалуется на нынешнего министра иностранных дел Вестервелле, не только одобрявшего работу комиссии, но и обязавшего своих подчиненных изучать ее отчет. По его мнению, министр должен был дистанцироваться от “дипломатического триллера” и остановить его публикацию. Блазиус направляет свой гнев против бывшей сотрудницы МИД Хензелер, посмевавшейся раскрыть в письме, адресованном Фишеру, подлинное лицо военного преступника Нюсляйна. Что же касается последнего, то он изображается невинной жертвой чехословацкого суда. В статьях Блазиуса выражены сомнения в профессиональной квалификации и компе-

⁷⁸ Die Zeit, 28.X.2010.

⁷⁹ www.dw-world.de/dw/article/0,,6162244,00.html

⁸⁰ Frankfurter Rundschau, 27.X.2010.

⁸¹ Neue Zürcher Zeitung, 17.XII.2010.

⁸² www.wnz.de/lokales/region_marburg/marburg/291663

⁸³ Potsdamer Neueste Nachrichten, 25.I.2011.

⁸⁴ Junge Welt, 29.XI.2010.

⁸⁵ Kölner Stadtanzeiger, 10.XII.2010.

⁸⁶ www.dradio.de/download/127912/

⁸⁷ Die Zeit, 28.X.2010.

тенции участников проекта, которые будто бы “нарушают общепризнанные научные стандарты”, “навязывают” публике свою концепцию, и стремятся “заставить замолчать своих критиков”. Книга будто бы написана под прямым воздействием “восточногерманских пропагандистских акций” 1960-х годов. Однако Блазиус выдвигает здравое предложение: “усадить членов комиссии за один стол с теми, кто выражает фактические и методические сомнения”⁸⁸.

С точки зрения профессора Боннского университета К. Хакке, в коллективном труде “нет ничего нового”, а данные о поддержке дипломатами нацистских преступлений являются “односторонними”: они вынуждены были “участвовать, чтобы предотвратить худшее”, а “оппозиция была бессмысленна перед лицом механизмов тоталитарной системы”. Поэтому “окончательная оценка их деятельности затруднительна”. Члены комиссии “некритично исполняли заказ работодателя” (т.е. Фишера), что привело к опасной “дискредитации внешнеполитической элиты старой ФРГ”⁸⁹.

Взгляды публициста и историка К. Вигрефе мало отличаются от суждений Блазиуса и Хакке: утверждения комиссии не только “поверхностны”, “односторонни”, “легковесны”, “чудовищны” и “опасны”, поскольку, как вынужден признать Вигрефе, “велика степень общественного согласия с будто бы сенсационными выводами авторов”⁹⁰. В аналогичном духе высказался внук одного из нацистских дипломатов профессор Свободного университета в Берлине Д. Кёрфер. По его мнению, “Министерство и прошлое” представляет собой “книгу мести”, в которой преобладает “злостная и самодовольная тональность по отношению к действующим лицам”, “отсутствуют полутона и нюансы”, “доминируют упрощенные оценки”. “Неисторичным” книгу делает то, что ее авторы “чересчур легко объявляет виновными” немецких дипломатов, чье ведомство “не являлось интегральной частью третьего рейха”. Неопровержимые факты соучастия сотрудников министерства в преступлениях нацизма Кёрфер объявляет “суммой примеров” и “бессмыслицей”. Вклад дипломатов в осуществление Холокоста он сводит к “осуществлению решений, принятых другими инстанциями”, и распространяется о “позитивных моментах” в деятельности Радемахера, Нюсляйна и Крапфа⁹¹.

Не преминули высказаться и бывшие сотрудники МИД ФРГ В. Ишингер и Ю. Зудхофф, в разное время исполнявшие должности послов и статс-секретарей. Первый в определенной мере признает заслуги комиссии и даже призывает общественность “отказаться от минометного огня”, связанного с оценкой книги. Но одновременно он агитирует своих коллег (в том числе и действующих дипломатов) к тому, чтобы прервать “молчание ягнят” и выступить с резкими возражениями против основной концепции коллективного труда, “не имеющего ничего общего с открытостью, просвещением или извлечением уроков из прошлого”. Зудхофф, который в свое время курировал работу Политического архива МИД, повторяет стереотипный тезис: “в книге нет ничего нового”, все уже было сказано ранее в книгах Браунинга и Дёшера. Следует напомнить, что именно министерское руководство отказало в свое время указанным ученым в допуске к документам мидовского архива. Стандартны и выпады Зудхоффа против “несправедливости” Нюрнбергских приговоров. Он не скрывает несогласия с опасным решением Вестервеллле об “обязательном изучении” книги сотрудниками внешнеполитического ведомства, поскольку она представляет “дискредитацию ФРГ”⁹². «Под видом будто бы научной критики, – уверена газета “Тагесшпигель”, – скрывается стремление вопреки Нюрнбергским приговорам спасти миф о “незапятнанном дипломатическом ведомстве”»⁹³.

⁸⁸ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 26.X.2010; 27.XI.2010; 22.XII.2010; 13.I.2011.

⁸⁹ Die Welt, 26.X.2010; www.dradio.de/dlf/sendungen/kulturheute/1305005

⁹⁰ Der Spiegel, 2010, № 49. S. 38.

⁹¹ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 28.XI.2010.

⁹² www.spiegel.de/politik/deutschland/0,518,727357,00.htm; Frankfurter Allgemeine Zeitung, 5.I.2011.

⁹³ Der Tagesspiegel, 20.XII.2010.

Неоднозначную позицию в ходе дискуссии занял крупнейший специалист по истории “третьего рейха” профессор Г. Моммзен, которому в ноябре 2010 г. исполнилось 80 лет. В первом интервью по поводу книги “Министерство и прошлое” он назвал ее “высоким достижением” и признал, что авторскому коллективу “удалось трансформировать мозаику отдельных тем в хронологически выдержанное изложение включения министерства в систему нацистской диктатуры”. Моммзен выразил решительное несогласие с оценкой коллективного труда как “книги мести”. “Один из главных тезисов книги, – отметил он, – состоит в опровержении представлений о внешнеполитическом ведомстве как очаге Сопротивления 20 июля 1944 г.”. Ученый указал на недостатки, присущие, по его мнению, коллективному труду: “В центре изложения находится тематический комплекс преследования и уничтожения немецких и европейских евреев, в то время как проблематика собственно внешней политики отодвинута на второй план... Недостаточно внимания уделено другим аспектам преступной нацистской политики, в том числе обращению с военнопленными и принудительными рабочими”⁹⁴. С этими замечаниями вполне можно согласиться.

Но последующие комментарии Моммзена носили иной характер: он упрекал своих коллег в “недифференцированных подходах”, в допущении “методических и фактических ошибок”. Обидой для авторов проекта стала неожиданная рекомендация вновь пройти обучение в университетском семинаре по новейшей истории. Дело, очевидно, в том, что маститый ученый в 1970–1980-е годы выдвинул доктрину “кумулятивной радикализации”. В соответствии с нею качественное ужесточение нацистской диктатуры (прежде всего это относится к “окончательному решению еврейского вопроса”) происходило преимущественно в ходе и после коренного перелома во Второй мировой войне⁹⁵. Но документы, опубликованные в книге, не всегда подтверждают справедливость установки патриарха исторической науки ФРГ⁹⁶. По мнению участников научного проекта, немалую роль в трагедии евреев Европы сыграла встреча Гитлера и Риббентропа 17 сентября 1941 г.⁹⁷. Моммзен увидел “очевидный изъян” труда Конце, Фрая и их коллег в том, что они цитировали принципиально важные документы не по их прежним публикациям, но по архивным оригиналам. Практику выполнения заказа МИД он рассматривает как “зловещий признак историографии, регулируемой государством”, как признак угрозы “научной автономии” исследовательского сообщества⁹⁸. Циммерман так говорил о своем расхождении с позицией Моммзена, которого он назвал “коллегой и другом”, “признанным авторитетом в исследовании национал-социализма”: “Меня удивила его позиция... Мы вовсе не начинающие. Мы обладаем опытом исследования Холокоста”⁹⁹.

“НАГЛЯДНЫЙ УРОК ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ”

Издатели книги “Министерство и прошлое” ответили критикам проекта в статье за четырьмя подписями, опубликованной в газете “Зюддойче Цайтунг”. Проект “растревожил больной нерв общества”, поскольку речь идет об “усилиях и механизмах, при помощи которых немцы, по крайней мере, их элиты, пытались освободиться от ответственности за

⁹⁴ Frankfurter Rundschau, 17.XI.2010.

⁹⁵ Mommsen H. Die Realisierung des Utopischen. Die “Endlösung der Judenfrage” im “Dritten Reich”. – Geschichte und Gesellschaft, 1983, № 3. S. 381–420. В 1984 г. С. Фридлендер высказал сомнения в универсальном характере концепции Г. Моммзена – Friedländer S. From Anti-Semitism to Extermination: A Historiographical Study of Nazi Policies toward the Jews and an Essay in Interpretation. – Yad Vashem Studies, v. 16. Jerusalem, 1984, p. 1–50.

⁹⁶ У. Герберт предполагает, что здесь имеет место “полемика научных школ”. – Die Tageszeitung, 8.XII.2010. Косвенно это подтвердил и Моммзен. Выступая в начале марта 2011 г. с лекцией в Будапеште, он сказал: “Кажется, новое поколение историков забыло о том, что было сделано их предшественниками” – http://www.budapester.hu/index.php?option=com_content&task=view&id=8728&Itemid=30

⁹⁷ Das Amt und die Vergangenheit. S. 185.

⁹⁸ www.dradio.de/dlf/sendungen/kulturheute/1332017; Süddeutsche Zeitung, 27.XII.2010.

⁹⁹ www.dradio.de/dlf/sendungen/kulturheute/1332774

преступную политику национал-социализма”. Что касается критиков проекта, то они “повторяют основные элементы легенды, которая была сконструирована после 1945 г., прежде всего в ходе процесса Вайцзеккера, и которая противоречила фактам и достижениям исторической науки”. Особую значимость для Конце и его соавторов приобретает опровержение идеи о том, что “интеграция людей с нацистским прошлым якобы способствовала стабилизации и консолидации ФРГ”¹⁰⁰. По убеждению Фрая, в оптике германского исторического сознания сохранились “смещения и искажения, типичные для прежних десятилетий”. В ходе дебатов предпринимаются попытки “широкой самореабилитации” правящих элит, сохранения в исторической памяти “осадочных пород” послевоенного периода¹⁰¹. “Для историка, – подчеркнул Циммерман, – механизмы забвения не менее интересны, чем механизмы коллективной памяти... Для того, чтобы рассказать нежелательную многим правду “понадобились 60-летняя дистанция и такой министр, как Йошка Фишер”¹⁰².

Профессор Ю. Кокка, один из основателей исследований по “новой социальной истории” в ФРГ, назвал книгу Конце и его коллег “солидной и убедительной”. Главное достижение ее авторов он формулирует так: “То, что в течение долгого времени было доступно специалистам, стало достоянием широкой общественности”¹⁰³. На важнейшую проблему соотношения научного знания и общественного сознания обращает внимание историк Герберт: “Мы имеем дело с широко известным феноменом: время проходит, примерно каждые 8–10 лет обновляется состав публики, и происходят дискуссии по проблематике национал-социализма. Поводом для последней из таких больших дискуссий была выставка в конце 1990-х годов о преступлениях вермахта. Прошло 12 лет, и мы констатируем, что большая часть СМИ, равно как и общественности, уже не помнит об этих дебатах... Каждое поколение неизбежно вновь и вновь с ужасом открывает для себя правду о нацистских преступлениях”. По убеждению Герберта, перед авторами книги стояла задача “на основе уже имеющихся знаний шаг за шагом показать, что внешнеполитическое ведомство было составной частью нацистской диктатуры и участвовало в преступлениях режима”. Историк видит актуальное значение работы по истории МИД в следующем: на ее страницах отвергается получивший ныне широкое распространение миф о том, что среди немцев якобы “больше нет ответственных за злодеяния, есть только пострадавшие, то есть жертвы”. Именно этот момент принципиально важен “для определения моральной конструкции ФРГ”¹⁰⁴.

“Основные установки книги невозможно опровергнуть. В нацистский период МИД был проинформирован о преступлениях режима и несет полную ответственность за эти преступления”. С этим утверждением выступил профессор К. Ярауш – немецко-американский историк, бывший директор Центра исследований современной истории в Потсдаме¹⁰⁵. О необратимости выводов научного проекта говорит Г. Али: “Заслуга книги состоит в том, что отвергается ведомственная ложь, сказка, будто бы министерство с его в значительной мере дворянским персоналом вело себя иначе, более тонко и дипломатично, чем другие германские учреждения. С этой ложью покончено – раз и навсегда”¹⁰⁶. Однако, предупреждает профессор Бременского университета Г. Штуби, восстановление исторической правды потребует новых усилий: “Легенда о чистом вермахте рухнула только после долгой борьбы и долгих судорог. Эта судьба предуготована и мифу о “незапятнанных” сотрудниках МИД. И этот миф вовсе не похож на вчерашний снег,

¹⁰⁰ *Süddeutsche Zeitung*, 10.XII.2010.

¹⁰¹ *Weinke A., Frei N. Op.cit.*, S. 76–77.

¹⁰² *Der Tagesspiegel*, 25.X.2010.

¹⁰³ www.dradio.de/dkult/sendungen/interview/1339920/

¹⁰⁴ *Die Tageszeitung* 8.XII.2010; www.dradio.de/download/127912/; www.dradio.de/kultur/sendungen/thema/1309214

¹⁰⁵ www.dradio.de/kulturnachrichten/2010121114/7/

¹⁰⁶ www.dradio.de/dlf/sendungen/kulturheute/1333674

как о том повсюду говорят сегодня”¹⁰⁷. Для Фрая, Конце и других участников проекта принципиально важным является мнение их прямого предшественника Г.-Ю. Дёшера: “Многочисленные сотрудники международной комиссии историков работали на основе широкого круга источников, недоступных в мое время... В этом отношении их работа уникальна. Она является примером для будущих исследований”. Дёшер, к сожалению, едва ли не единственный из участников дискуссии, особо подчеркивает значимость публикации документов, связанных с участием МИД в агрессии против СССР¹⁰⁸.

В поддержку исследования высказались всемирно известные специалисты по истории нацистской диктатуры. Профессор истории в университетах Тель-Авива и Лос-Анджелеса С. Фридлендер видит современную значимость коллективного труда в том, что он определенно противостоит “наступившей усталости” в освещении проблематики преступлений нацистского рейха¹⁰⁹. «Я чрезвычайно доволен тем, – резюмирует Браунинг, – что результаты научного поиска стали достоянием широкой общественности. Выставка о преступлениях вермахта в 90-е годы способствовала разрушению мифа о “чистом вермахте”, хотя уже и до этого было известно о подлинном характере нацистских вооруженных сил. Подобно этому, отчет комиссии помогает ликвидации мифа о том, что МИД не участвовал в злодеяниях режима... Даже если бы это было единственным достижением книги, мы должны благодарить ее авторов»¹¹⁰.

12 января 2011 г. в переполненном зале Католической академии Мюнхена состоялся диспут, в ходе которого с пространными докладами выступили Фрай и Хакке. Если Фрай обращался к публике спокойно (едва ли не бесстрастно), опираясь на многочисленные документы, то речь Хакке была эмоциональной и наполненной упреками в адрес Фишера и авторов проекта. При этом Фрай и его соавторы предстали в качестве воплощения ненавистного консерваторам “духа 1968 г.” с его “антиэлитарными приоритетами”. Аргументация Хакке фактически свелась к повторению установок “мумий” образца 2005 г. Один из его главных тезисов: необходимость “понимания вынужденных обстоятельств”, в которых находились дипломаты рейха – “комбинации сотрудничества, приспособления и противостояния”¹¹¹. Симпатии зала по ходу дискуссии распределились практически поровну. Немалый интерес аудитории вызвало выступление выдающегося философа Ю. Хабермаса. Главным, по мнению ученого, была и остается необходимость преодоления “национально-апологетических стереотипов”, продолжающих существовать в германском общественном сознании¹¹². Католическая газета “Тагеспост” писала о диспуте как о “наглядном уроке исторической политики”, относящейся “к современности больше, чем к прошлому, которое не уходит”¹¹³.

В январе 2011 г. произошли заочные дебаты между влиятельным ученым, директором Института современной истории в Мюнхене профессором Х. Мёллером, выступившим на страницах “Франкфуртер Альгемайне”, с одной стороны, и журналистом еженедельника “Цайт” А. Каманном, с другой. Мёллер решительно отрицает “втягивание министерства иностранных дел в структуру нацистского режима”. Он считает, что проблематика “третьего рейха” уже подверглась “интенсивному исследованию”, прежде всего силами сотрудников руководимого им института. Поэтому дальнейшие споры о периоде 1933–1945 гг. излишни и могут только “будоражить общественность”, вести к нарушению “стабильности” государства и “диффамации лиц, несущих политическую ответственность”. Такого рода современные дискуссии (в том числе споры о преступлениях вермахта) Мёллер называет “утомляющими” и даже “истерическими”, а исследовательский проект о прошлом МИД именует “скандальной книгой”, к тому

¹⁰⁷ www.sozialismus.de/kommentare_analysen/detail/artikel/mehr-als-nur-empoeung

¹⁰⁸ www.dradio.de/download/127912/

¹⁰⁹ Süddeutsche Zeitung, 10.1.2011.

¹¹⁰ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 10.XII.2010.

¹¹¹ См.: Hacke Ch. Eine ungelöste Aufgabe. – Die Politische Meinung, 2011, № 3. S. 61–70.

¹¹² Frankfurter Allgemeine Zeitung, 14.1.2011.

¹¹³ Die Tagespost, 14.1.2010.

же “написанной по заказу”¹¹⁴. Не соглашаясь с доводами Мёллера, Каманн указывает на важность преодоления препятствий, которые неизменно возникали в прошлом на пути правдивой трактовки роли нацистского внешнеполитического ведомства. Проект Конце, Фрая, Циммермана и Хейса противостоит прежним трактовкам и служит делу “историко-политического просвещения” германского общества¹¹⁵.

Для издателей, комментаторов и читателей книги “Министерство и прошлое” стали в значительной степени неожиданными проявления органической взаимосвязи, которая существует между историей германских дипломатических ведомств и актуальными проблемами сегодняшней ФРГ. По кажущемуся парадоксальным выводу берлинской “Тageszeitung”, обращение к указанной тематике “является проявлением анахронизма и, одновременно, соответствует духу времени”¹¹⁶. Газета “Штутгартер Цайтунг” с удивлением вопрошала: “События, о которых повествует книга, происходили почти семь десятилетий назад. Стиль книги является научно-педантичным... В чем же причины ее взрывоопасности?”¹¹⁷. Об этом же писала газета “Франкфуртер Рундschau”: “Мы полагаем, что это история, история наших дедов и прадедов. Как будто у нас со всем этим нет ничего общего. Но это заблуждение”. И далее – наверное, самое главное: “Дискуссию вокруг книги мы должны использовать для того, чтобы понять, какая элита нам действительно нужна”¹¹⁸.

Под прямым влиянием книги раздались “призывы к осуществлению подобных независимых исследований, касающихся других политических, административных и общественных учреждений”¹¹⁹. Такая работа уже начата в отношении Федеральной разведывательной службы и министерства финансов ФРГ. В документе фракции “Левых” в бундестаге ФРГ (председатель фракции Г. Гизи) утверждается, что критический анализ периода 1933–1945 гг. “принадлежит к центральным урокам германской истории XX в.”. Но, к сожалению, в течение долгого времени преобладали “замалчивание и курс на скорейшее подведение черты под прошлым”. “Левые” выдвинули требование снятия любых препятствий в научной разработке истории министерств и ведомств в свете их “персональной и содержательной преемственности между учреждениями нацистского периода и периода ФРГ”¹²⁰. Аналогичные предложения высказала Фракция партии “Зеленых”, возглавляемая Р. Кюнаст: необходима “ясная линия правительства” в направлении “расследования федеральных министерств, посольств высших административных учреждений на предмет их участия в нацистских преступлениях”. Фракция приветствовала решение министра Вестервелле об использовании отчета комиссии в обучении будущих дипломатов. “Зеленые” официально запросили правительство ФРГ: “Какие выводы извлечены из результатов работы комиссии историков?”. Одновременно фракция заявила о необходимости передать фонды Политического архива МИД Федеральному архиву ФРГ¹²¹. С этим предложением согласился президент Федерального архива Х. Вебер: “Это не мое личное желание. Федеральный закон об архивах предусматривает, что все материалы МИД, кроме соглашений международно-правового характера, должны быть переданы в Федеральный архив. Весь вопрос в том, когда это произойдет?”¹²².

Многие участники споров о книге “Министерство и прошлое” сравнивали нынешнюю дискуссию с дебатами 1995–2004 гг. о преступлениях нацистского вермахта в оккупированных районах СССР. Между этими двумя дискуссиями, действительно, немало общего. Решающий прогресс в деле осмысления наследия “третьего рейха” был

¹¹⁴ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 18.I.2011.

¹¹⁵ Die Zeit, 27.I.2011.

¹¹⁶ Die Tageszeitung, 30.XII.2010.

¹¹⁷ Stuttgarter Zeitung, 1.XI.2010.

¹¹⁸ Frankfurter Rundschau, 28.X.2010.

¹¹⁹ Stuttgarter Zeitung, 1.XI.2010.

¹²⁰ Deutscher Bundestag. 17. Wahlperiode. Drucksache 17/3748.

¹²¹ Deutscher Bundestag. 17. Wahlperiode. Drucksache 17/3804.

¹²² Frankfurter Rundschau, 29.X.2010.

достигнут в пограничной зоне между историческим знанием и общественным сознанием. Именно в этом пространстве развертывались дискуссии, вышедшие за стены академического и университетского цехов, прямо воздействовавшие на направленность и характер исторических исследований, на их новую оптику¹²³.

Но следует сказать и о существенном несходстве этих дискуссий. Дебаты о преступлениях вермахта были связаны с почином критического крыла исторической науки и публицистики, не встретившим поддержки официальных властей. Научный проект Конце, Фрая и их соавторов является, в известной степени, инициированной сверху попыткой самоочищения дипломатического ведомства ФРГ. Видимо, часть современной германской политической элиты понимает, что в условиях завершения “холодной войны” и новой роли Берлинской республики (так называют ФРГ после переноса столицы из Бонна в Берлин) в объединенной Европе продолжение прежней линии является контрпродуктивным. Политическая культура ФРГ смогла (если использовать формулу Льва Толстого) “подняться на ту точку, с которой видишь себя”¹²⁴.

Очевидно, острая полемика Мёллера и Каманна знаменовала окончание эмоционально-публицистической фазы дискуссии о нацистском прошлом немецких дипломатов. Но дебаты продолжаются¹²⁵. В Интернете ежедневно публикуются извещения о презентациях книги “Министерство и прошлое”, о выступлениях ее авторов в различных городах Германии и за ее пределами (в США, во Франции, в Израиле). Организаторами этих мероприятий являются университеты, музеи, библиотеки, общественные организации. Настало время всестороннего научного дискурса о достижениях и недочетах коллективного труда, равно как и обо всей проблематике деятельности германских дипломатических ведомств XX в. Это хорошо осознают авторы книги “Министерство и прошлое”, которые заявляют, что их проект – это “не конечный пункт, но шаг к продолжению научных исследований и дискуссий”¹²⁶.

¹²³ “Зюддойче Цайтунг” писала в этой связи о важности “соотношения между профессиональным историческим знанием и общественным сознанием”. – *Süddeutsche Zeitung*, 11.XII.2010.

¹²⁴ Толстой Л.Н. Божеское и человеческое. Из дневниковых записей последних лет. М., 2001, с. 305.

¹²⁵ *Hürter J.* Das Auswärtige Amt, die NS-Diktatur und der Holocaust. Kritische Bemerkungen zu einem Kommissionsbericht. – *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*, 2011, №2, S. 167–192.

¹²⁶ *Süddeutsche Zeitung*, 10.XII.2010.